

Глава 21

В кабинете управляющий Тан Цзи, слегка склонившись, докладывал Тан Минсюаню о завершении дела:

— Старый слуга исполнил ваше поручение и привез маленького господина домой.

— Дядя Цзи, оставь церемонии. Только благодаря твоим стараниям Линь-эр и дети теперь с нами, — Тан Минсюань поспешно помог старику подняться и жестом пригласил его сесть. — Расскажи же подробнее, что довелось тебе узнать и увидеть во время этой поездки.

Собеседник понимал, что хозяин жаждет услышать о тяготах, выпавших на долю племянника. Он собрался с мыслями и начал свой рассказ:

— Мои люди навели справки. Оказалось, прежние опекуны подобрали маленького господина совсем ребенком и вырастили как своего. К несчастью, приемные родители юноши давно почили, так что расспросить их не удалось. Пришлось довольствоваться тем, что поведали соседи.

Старик тяжело вздохнул и продолжил:

— Семь лет назад, когда опекуны скончались один за другим, Цзи Цай и его жена решили избавиться от Линь-эра, продав его семье Чжао в качестве фулана. На следующий же день после свадьбы Чжао Чанмина забрали в армию, а племянник остался в чужом доме. Вскоре выяснилось, что он носит под сердцем дитя, и через положенный срок на свет появились близнецы. Семья Чжао оказалась на редкость алчной и жестокой: они попрекали его каждым куском хлеба и обходились с ним и детьми из рук вон плохо. Когда я прибыл за ними, их как раз выставили на улицу. Им некуда было идти, и я, не медля ни минуты, забрал их в гостиницу, а затем повез в столицу.

Лицо Тан Минсюаня, еще недавно озаренное ласковой улыбкой для внуков, мгновенно преобразилось. Перед Тан Цзи снова предстал суровый и волевой владетель торговой империи, а плотно сжатые губы выдавали его крайнее недовольство.

Хозяину едва исполнилось сорок. Благодаря достатку он выглядел гораздо моложе своих лет — на лице не было ни единой морщинки, и лишь едва заметная седина на висках напоминала о годах, проведенных в бесконечных разъездах и поисках пропавшего Линь-эра. Посвятив жизнь семейному делу, он так и не обзавелся собственной семьей. Теперь, когда старших родственников не осталось и некому было донимать его нравоучениями, он и вовсе не помышлял о женитьбе, не встретив того, к кому потянулось бы сердце, и проявляя в этом вопросе полную беспечность.

— Прежде чем покинуть те края, я велел своим людям нанести визит местному уездному начальнику и щедро одарить чиновников управы, — негромко добавил управляющий. В его

голосе не было прежней мягкости — годы службы научили его быть жестким, когда того требовали обстоятельства. — В тот же день уездный начальник Ван приказал схватить Цзи Цая и его супругу. Им велели всыпать палок, и когда мы уезжали, они всё еще томились в темнице. С семьей Чжао всё вышло сложнее. Достойного повода для ареста не нашлось, но я распорядился, чтобы за ними присматривали. Как только они оступятся — управа не преминет проучить их как следует.

Верный слуга знал: благодаря его золоту Цзи Цай с женой если и выйдут на свободу, то навеки останутся калеками. По законам государства Великое Чэнь торговля женщинами и гэ'эрами — тяжкое преступление, и кара для четы Цзи была законной. Однако Чжао купили фулана официально, и принудить их к ответу было непросто — в лучшем случае их заставили бы расторгнуть сделку.

Был и еще один повод для осторожности. Как бы то ни было, Цзи Юань стал законным супругом Чжао Чанмина и родил от него двоих сыновей. Если старший сын семьи Чжао всё еще жив и когда-нибудь вернется живым, он может затаить обиду за расправу над родней, что внесет разлад в его отношения с Цзи Юанем и детьми. Поэтому Тан Цзи предпочел оставить себе путь для отступления, не доводя дело до крайности.

Об этих распоряжениях племяннику, разумеется, не сообщали — старик считал, что молодому господину ни к чему забивать голову подобной грязью.

— Хм. Ты всё сделал правильно, — Тан Минсюань задумчиво вращал на пальце нефритовое кольцо, и взгляд его стал непроницаемым.

Ни хозяин, ни слуга ни на миг не сомневались, что нашли именно того, кого искали. За долгие годы им не раз привозили юношей, выдававших себя за пропавшего наследника, но сейчас глава семьи всем нутром чувствовал: Цзи Юань — его родная кровь. Это инстинктивное знание было сильнее любых доказательств.

— Господин, по пути в столицу я вкратце поведал Линь-эру о делах нашей семьи и о резиденции хоу Пинъюань. Боюсь, к отцовскому дому он не питает нежных чувств.

Тан Цзи намеренно сгустил краски, опасаясь, что Фу Чжэньлинь попытается забрать юношу себе. Клан Тан не мог отрицать кровного родства Цзи Юаня с хоу Пинъюанем, но и отдавать его в то змеиное логово они не собирались. Хватило и того, что некогда случилось с отцом юноши.

Тан Минсюань согласно кивнул и, перестав вращать кольцо, спросил:

— Ты долго пробыл с Линь-эром в пути. Что скажешь о его характере?

— Маленький господин на редкость умен и рассудителен. В нем чувствуется та же внутренняя сила и благородство, что были присущи его покойному родителю в юности, — в голосе старика

послышалось искреннее облегчение. Его радовало, что воспитанник не превратился в невежественного деревенского простака.

Управляющий полагал, что это заслуга приемных родителей, и даже не помышлял об ином.

Тан Минсюань вновь удовлетворенно кивнул. Если племянник умен, ему самому будет за него спокойнее. Но даже будь Линь-эр глупцом, это ничего бы не изменило: хозяин, не имевший своих детей, уже решил для себя, что воспитает юношу и его сыновей как наследников дома Тан. Это избавляло его от необходимости самому искать кого-то для продолжения рода.

— Я много лет не был в столице и не знаю, как обстоят дела в резиденции хоу Пинъюань. Собираетесь ли вы позволить маленькому господину признать родство с отцом? — спросил Тан Цзи.

При упоминании поместья хоу Тан Минсюань злорадно усмехнулся:

— Фу Чжэньлинь возвысил ту наложницу до законной супруги, а его побочная дочь под именем законной вышла замуж за Третьего принца, став его цэфэй. Похоже, резиденция хоу Пинъюань нашла себе высокую опору.

Старик от изумления едва не лишился дара речи.

— Какая неслыханная наглость! — вырвалось у него. — Эта дрянная женщина, Чан Линь, извела нашего господина, а Фу Чжэньлинь посмел сделать её хозяйкой дома!

Они давно подозревали, что в смерти младшего брата Тан Минсюаня виновна наложница Чан, но за все эти годы так и не смогли найти неопровержимых улик.

Тан Минсюань устало потер виски. Долгое время он вел тайную войну с резиденцией хоу, и не будь семья Тан столь сказочно богата, Фу Чжэньлинь давно бы стер его в порошок. Теперь же, когда дочь хоу стала частью императорской семьи — пусть даже в чине младшей супруги принца, — дому Тан приходилось быть вдвойне осторожным. Чтобы сокрушить хоу Пинъюаня, нужно было сначала лишить власти Третьего принца, а это задача не из легких.

В кабинете воцарилась гнетущая тишина.

— Ладно, оставим эти разговоры. Дядя Цзи, ты проделал огромный путь, ступай и отдохни. Что до Линь-эра и его отношений с отцом... я поговорю с ним позже и узнаю, что он сам об этом думает.

Тан Минсюань понимал: если племянник захочет вернуться к родному отцу, он не вправе будет его удерживать. Кровные узы — вещь незыблемая. Но каждый раз, когда речь заходила о резиденции хоу, его сердце обливалось кровью, а в душе вскипала лютая ненависть к Фу

Чжэньлиню. Он бы с радостью выпил кровь этого человека и обглодал его кости, но тот процветал и возвышался.

— Как прикажете, господин.

Тан Цзи поклонился и покинул кабинет, оставив Тан Минсюаня в полном одиночестве.

***

Тем временем в другом дворе Цзи Юань велел слугам принести горячей воды. Раздев сыновей, он опустил этих двоих пухлых «колобков» в кадки и тщательно отмыл их с дороги. Вытерев детей насухо, он облачил их в новые наряды. Шкафы и сундуки в их комнатах ломились от одежды, сшитой точно по их меркам — было ясно, что дядя готовился к их приезду со всем тщанием.

Молодой человек не был слеп: он видел искреннюю радость и любовь в глазах Тан Минсюаня. Прислуга тоже вела себя безупречно, выказывая новым господам глубокое почтение.

После сегодняшней встречи с дядей у Цзи Юаня не осталось сомнений в своем происхождении. О перипетиях своей судьбы он уже подробно расспросил управляющего Тана по пути в столицу. Приняв новую личность, он понимал: помимо добрых родственников со стороны матери, у него есть еще и высокопоставленный отец-хоу. И именно с резиденцией хоу Пинъюань, скорее всего, возникнут главные трудности.

Впрочем, юноша не привык пасовать перед трудностями. Раз уж судьба забросила его сюда, он примет на себя все обязательства, что налагает его новое имя.

Несмотря на обилие слуг, он по привычке предпочитал справляться сам. Закончив одевать старшего сына, он принялся за младшего.

— Вам здесь нравится? — ласково спросил он детей.

— Да, — серьезно кивнул Дачжуан.

Эрчжуан тут же закивал следом за братом.

— Вот и славно. Похоже, мы останемся здесь надолго, — добавил Цзи Юань, желая, чтобы сыновья заранее привыкли к мысли о новой жизни в столице.